

О. С. КРЮКОВА

Ольфакторий в трилогии М. Горького «Детство»*

Современные гуманитарные исследования обосновывают необходимость изучения ольфакторного пространства¹. Однако, как справедливо отмечает Л. П. Якимова, «в литературоведении речь должна идти прежде всего о разных путях и формах включения этого способа чувственного восприятия в эстетический дискурс...»². Хотя автобиографическая трилогия М. Горького рассматривалась в самых различных ракурсах, ольфакторный аспект практически не был изучен. Между тем запахи тесно связаны с автобиографической памятью, это проводник в мир собственного прошлого и один из инструментов активизации автобиографической памяти, ибо запахи действительно напоминают о прошлом.

Для Горького обращение к детству не было пробой пера: во время написания автобиографической трилогии он был уже известным писателем. Это обращение, хотя повесть «Детство» писалась в Италии,

---

* Доработанный вариант статьи, впервые опубликованной в изд.: *Kriukova O. Olfactory space in Maxim Gorky's Childhood: On the nature of smell as narrative device in autobiographical writing = Ольфакторное пространство в Детстве Максима Горького: к вопросу о природе запаха в автобиографическом нарративе // Avtobiografia: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa (Padova, Italia)*. 2015. № 4. С. 151–163.

¹ *Жирицкая Е. Легкое дыхание... // Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е испр. Кн. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. М.: НЛЮ, 2010. С. 167–269; Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика: запахи в художественном тексте. Челябинск, 2011; Беляева И. А. Запахи и звуки как знаки любви в романе Ивана Гончарова «Обломов» // Slavica Wratislaviensia CLVIII. Wrocław, 2014. P. 83–91.*

² *Якимова Л. П. Ольфакторный мотив в произведениях Леонида Леонова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы / Российская академия наук. Сибирское отделение. Институт филологии. Вып. 5. Новосибирск, 2002. С. 214–226.*

в период эмиграции, не было и «скриптитерапевтическим», на что обратил внимание П. Басинский, который усматривает в изображении «свинцовых мерзостей русской жизни» несомненную политико-философскую подоплеку: «И это слова и мысли не Алексея, сироты, “Божьего человека”, а писателя и революционера Максима Горького, который раздражен результатами революции, винит в этом “рабскую” природу русского человека и вместе с тем надеется на молодость нации и ее будущее»³.

Автобиографическая трилогия в целом и повесть «Детство» в частности, безусловно, является ценным документом своей эпохи, но документом не в точном смысле этого слова, речь идет о художественной документальности. Читатель узнает о быте мещан Нижнего Новгорода, приписанных к красильному цеху, скорбит о смерти наемного работника — Цыганка, несмотря на то что это вымышленный персонаж. «Сердечная мудрость» бабушки заслоняет ее реальные недостатки, на которые, кстати говоря, указывают запахи (об этом речь пойдет ниже). Автор как бы дозирует правду в автобиографии, что вполне соотносится с его писательской концепцией в целом (вспомним знаменитый спор о правде и лжи в пьесе «На дне»). И из этой полуправды, на наш взгляд, рождается уже биографический миф Максима Горького, сотворенный самим писателем как автомиф, а затем дополненный и растиражированный⁴ уже властью (исток этого мифа берет начало в псевдониме писателя, а псевдоним, в свою очередь, выступает как одно из средств разграничения автобиографического героя и автора в автобиографической трилогии). Неслучайно в жанровой структуре «Детства» и автобиографической трилогии в целом прослеживается сказочное начало⁵. Нравственные уроки сказки определяют и специфику ненавязчивого дидактизма в повести «Детство»: читатель вслед за автобиографическим героем получает уроки жизни, которая в восприятии самого автора предстает порой как «суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением»⁶ (XIII, с. 19).

³ Басинский П. В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 9–10.

⁴ Шерр Б. Илья Груздев — биограф Горького // Максим Горький — художник: проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения-2000: Мат-лы Международной конференции. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2002. С. 33–45.

⁵ Шустов М. П. Сказочная традиция в автобиографической трилогии М. Горького // М. Горький и Россия. Горьковские чтения — 2012: Мат-лы XXXV Международной научной конференции. Н. Новгород: Бегемот, 2014. С. 231–237.

⁶ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1956, — с указанием тома и страниц в скобках.

С самых первых лет жизни внешний мир оказывается явно или скрыто враждебным Алексею Пешкову. И неслучайно, что мир запахов также предстает в большинстве случаев (о редких исключениях — ниже) неприятным для автобиографического героя повести «Детство». Даже традиционные домашние запахи, которые обычно ассоциируются с семейным уютом, воспринимаются Алешей Пешковым негативно: «Душная теплота поднимается ко мне; густо слышны нелюбимые мною запахи пирогов с зеленым луком, с морковью; эти запахи всегда вызывают у меня уныние» (XIII, с. 76). Вероятно, эти запахи были для автобиографического героя физически ощутимым символом мещанской провинциальной скуки. В повести «В людях» образ скуки расширяется, становясь развернутой ольфакторной метафорой: «Скука, холодная и нудная, дышит отовсюду: от земли, прикрытой грязным снегом, от серых сугробов на крышах, от мясного кирпича зданий; скука поднимается из труб серым дымом и ползет в серенькое, низкое, пустое небо; скукой дымятся лошади, дышат люди. Она имеет свой запах — тяжелый и тупой запах пота, жира, конопляного масла, подовых пирогов и дыма; этот запах жмет голову, как теплая, тесная шапка, и, просачиваясь в грудь, вызывает странное опьянение, темное желание закрыть глаза, отчаянно заорать, и бежать куда-то, и удариться головой с разбега о первую стену» (XIII, с. 393). Запахи, которые ассоциируются со скукой, привязаны не столько к конкретному пространству, сколько к сословию. Антитезой провинциальной скуки становятся запахи нижегородских «немещанских» домов, «тонкие, незнакомые, намекающие на иную жизнь» (XIII, с. 267–268).

Среди запахов в автобиографической трилогии Горького можно выделить запахи природного происхождения, запахи рукотворные, которые были продуктом различной, преимущественно хозяйственной, деятельности человека, телесные запахи и, говоря современным языком, запахи химического и техногенного происхождения.

При первом знакомстве с домом Кашириных Алешей сразу ощущается едкий запах, исходящий от красильной мастерской деда — «всюду стоял едкий, незнакомый запах» (XIII, с. 18). Едкие запахи химического происхождения сопровождают и квартиранта по прозвищу Хорошее Дело, который, «весь измазанный какими-то красками, неприятно пахучий» (XIII, с. 95), ставил какие-то химические опыты. Неприятно для Алеши Пешкова дымили и трубы Сормовского завода: «Из-за крыш черными кукишами торчали в небо трубы завода и густо, кудряво дымили, зимний ветер раздувал дым по всему селу; всегда у нас, в холодных комнатах, стоял жирный запах гари» (XIII, с. 175). В конце автобиографической трилогии, в преддверии Каспия, упоминается запах нефти.

Автобиографический герой обнаруживает никем не замечаемую повышенную чувствительность к запахам. Процесс обучения грамоте Алеше запомнился не только на эмоциональном, но и на обонятельном уровне: «От него (от деда. — О. К.) пахло уксусом, потом и печеным луком, я почти задышался» (XIII, с. 65). Очень часто запах лежит в основе принятия или непринятия человека. И если в случае с квартирантом Хорошее Дело едкий запах лишь разжигает детское любопытство, то в случае с «дядей Петром» неприятный запах дополняет отрицательную характеристику персонажа, которая затем находит подтверждение и в сюжетном развитии: «Его немой племянник уехал в деревню жениться; Петр жил один над конюшней, в низенькой конуре с крошечным окном, полной густым запахом прелой кожи, дегтя, пота и табака, — из-за этого запаха я никогда не ходил к нему в жилище» (XIII, с. 122). Общее негативное впечатление ребенка от новой «бабушки», матери «вотчима», также дополняется ольфакторным мотивом: «В первые дни она начала было совать свою мертвую руку к моим губам, от руки пахло желтым казанским мылом и ладаном, я отворачивался, убегал» (XIII, с. 166–176).

Отношение автобиографического героя к запаху как к визитной карточке человека найдет продолжение и в повести «В людях»: запах цветов, сопровождающий и даже оправдывающий Королеву Марго, и запах свежесрубленного дерева, исходящий от работника Ефимушки. В обрамлении запаха впервые предстает перед читателем и человек, сыгравший важную роль в становлении личности Алеши, — повар Смурый: «Он, видимо, только что пришел из бани — от него пахло березовым веником и перцовкой, на висках и на шее блестел обильный пот» (XIII, с. 278).

Запах дома, точнее антидома⁷, вызывает у Алеши Пешкова в повести «Детство» отвращение: «Терпения не стало лежать в противном запахе нагретых, сальных тряпок, я встал, пошел на двор...» (XIII, с. 183). Враждебность окружающего пространства во дворе (в данном случае речь идет о Сормове) усиливается многократно: «...и весь двор неприглядно завален грудями разного дерева; насыщенное водою, оно прееет на солнце, распространяя запах гнили.

Рядом — бойня мелкого скота, почти каждое утро там мычали телята, блеяли бараны, кровью пахнет так густо, что иногда мне каза-

⁷ Мельникова М. С. Художественное восприятие пространства дома в автобиографической прозе (на примере автобиографической трилогии М. Горького и романа И. Шмелева «Лето Господне») // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения — 2002: Мат-лы международной конференции. Н. Новгород, 2004. С. 275–281.

лось — этот запах колеблется в пыльном воздухе прозрачно-багровой сеткой...» (XIII, с. 198).

Неприятие Алешей школы также дополняется «обонятельным» мотивом: «В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называя ветошником, нищобродом, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мною. Помню, как глубоко я был обижен этой жалобой и как трудно мне было ходить в школу после нее. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье» (XIII, с. 196). В культурологическом плане эта ситуация вписывается в «ольфакторную стратегию»⁸, направленную на унижение и подавление личности чужака: «...человек на деле может обладать вполне нейтральным запахом. Однако иной социальной группе выгодно приписывать ему зловоние, чтобы дискредитировать его в собственных глазах и вывести за рамки общества, ценности которого он разделяет»⁹.

Неприятным запахам чужого, враждебного автобиографическому герою пространства противопоставлены, с одной стороны, запахи природы («пьяный запах оттаявшей земли» (XIII, с. 166), «земля истощила все свои сытные, летние запахи, пахнет только холодной сыростью» (XIII, с. 103), с другой — запахи, исходившие от людей, которые были Алеше не безразличны.

Запахи ночного сада в «Детстве» сравниваются с музыкой, что еще раз подтверждает особую, «обонятельную» чувствительность героя: «Бывало — зайдет солнце, прольются в небесах огненные реки и — сгорят, ниспадет на бархатную зелень сада золотисто-красный пепел, потом всё вокруг ощутимо темнеет, ширится, пухнет, облитое теплым сумраком, опускаются сытые солнцем листья, гнутся травы к земле, всё становится мягче, пышнее, тихонько дышит разными запахами, ласковыми, как музыка, — и музыка плывет издали, с поля: играют зорю в лагерях. Ночь идет, и с нею льется в грудь нечто сильное, освежающее, как добрая ласка матери, тишина мягко гладит сердце теплой мохнатой рукою, и стирается в памяти всё, что нужно забыть, — вся едкая, мелкая пыль дня. Обаятельно лежать вверх лицом, следя, как разгораются звезды, бесконечно углубляя небо; эта глубина, уходя всё выше, открывая новые звезды, легко поднимает тебя с земли, и — так странно — не то вся земля умалилась до тебя, не то сам ты чудесно разросся, развернулся и плависься, сливаясь со всем, что вокруг. Становится темнее, тише, но всюду невидимо протянуты чуткие

⁸ Жирицкая Е. Легкое дыхание... // Ароматы и запахи в культуре. С. 223.

⁹ Там же. С. 224.

струны, и каждый звук — запоет ли птица во сне, пробежит ли еж, или где-то тихо вспыхнет человеческий голос — всё особенно, не по-дневному звучно, подчеркнутое любовно чуткой тишиной» (XIII, с. 171–172).

В этом описании наступающей ночи сливаются воедино зрительные, слуховые, тактильные и обонятельные ощущения автобиографического героя, который испытывает органичное единение с миром природы. Это описание, которое можно назвать синестетическим, когда мир «предстает как нечто неделимое, воспринимается одним “общим чувством”»¹⁰, предваряет в определенном смысле художественные поиски новейшей литературы. Богатство и разнообразие природных запахов открыты в автобиографической трилогии только тем героям, которые инстинктивно стремятся к естественности и красоте. Помимо автобиографического героя, к ним относится, прежде всего, бабушка Акулина Ивановна: «Она никогда не плутала в лесу, безошибочно определяя дорогу к дому. По запахам трав она знала, какие грибы должны быть в этом месте, какие — в ином...» (XIII, с. 247). Акулине Ивановне, как и ее внуку, была свойственна повышенная чувствительность к запахам, о чем свидетельствует один из ее хозяйственных советов соседкам: «Огурец сам скажет, когда его солить пора; ежели он перестал землей и всякими чужими запахами пахнуть, тут вы его и берите» (XIII, с. 62). «Освежающий, вкусный запах» (XIII, с. 127), по мнению Алеши, исходил от внезапно приехавшей матери, но вскоре очарование матери померкло, изменилось и «обонятельное» пространство. В финале повести Варвара Васильевна Каширина умирает, и это обстоятельство порождает тягостные ольфакторные ассоциации: «Что она умирала — это я, конечно, чувствовал, знал, да и дед слишком часто, назойливо говорил о смерти, особенно по вечерам, когда на дворе темнело и в окна влезал теплый, как овчина, жирный запах гнили» (XIII, с. 198).

Этот хтонический мотив найдет свое продолжение и в повести «В людях», в эпизоде похорон сводного брата Алеши — Коли: «Заглядывая в желтую яму, откуда исходил тяжелый запах, я видел в боку ее черные, влажные доски» (XIII, с. 239).

Несколько запахов в восприятии Алеши Пешкова представляются нейтральными, маркированными скорее положительно. От пальцев маленького сводного брата Саши «прочему-то пахло фиалкой» (XIII, с. 184), а от руки епископа Хрисанфа, который при своем посещении школы по-отечески отнесся к юному озорнику, «исходил запах кипарисового дерева» (XIII, с. 180).

¹⁰ Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика: запахи в художественном тексте. Челябинск, 2011. С. 189.

Нейтральными в сознании Алеши предстают и телесные запахи, связанные с бабушкой. В этой нейтральности порой звучит замаскированная деликатность автора: все, что связано с пьянством бабушки, осторожно обходится: «Приходила бабушка; все чаще и крепче слова ее пахли водкой...» (XIII, с. 152). Во время домашних застолий у Кашириных «пили чай с ромом, — он имел запах жженных луковых перьев...» (XIII, с. 141). Этот запах тоже воспринимается мальчиком как нейтральный. А запах ладана применительно к Акулине Ивановне, в отличие от новой «бабушки», не ощущается как нечто инородное: «...и мы сидели молча, близко прижавшись друг к другу, до поры, пока не пришли старики, пропитанные запахом воска, ладана, торжественно тихие и ласковые» (XIII, с. 132).

При анализе ольфакторного пространства повести в целом обращает на себя внимание языковая деликатность писателя, который употребляет только нейтральный глагол «пахнуть», несмотря на то что в синонимический ряд, помимо этого глагола, в русском языке входят такие слова, как *нести* (с пометой разговорное), *разить* (с пометой просторечное), *садить* (с пометой просторечное). Близок к этой группе слов также синонимический ряд «вонять—разить—смердеть», но ни одно из этих слов Горьким в повести «Детство» не используется. На наш взгляд, «лингвистическая деликатность» писателя связана с его человеческой деликатностью, которую упоминали мемуаристы, в т.ч. Н. Берберова¹¹.

Двухмерная ольфакторная модель автобиографической трилогии Горького складывается из вертикали «благовоние — зловоние», посреди которой расположены условно «нейтральные» запахи, и из источников запахов (человек и окружающая его среда). Одорическая вертикаль «благовоние — зловоние» в русской культуре с древнейших времен связана с христианской символикой ада ирая. Рай источает благовоние, а ад пахнет зловонной серой. В художественном пространстве автобиографической трилогии Горького эта вертикаль имеет существенные отличия от распространенных в народе представлений. Ладан не всегда представляется Алеше Пешкову благовонным веществом сакрального характера. Запах ладана, исходящий от неродной бабушки, воспринимается негативно и овеществляет метафору «бежать, как черт от ладана». Запах ладана, исходящий от кухарки в повести «В людях», воспринимается Алешей как знак ее близкой смерти. В этом случае запах ладана находится внизу вертикали «благовоние — зловоние». Запах ладана, исходящий от родных бабушки

¹¹ Берберова Н. Н. Железная женщина. Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендроф-Будберг, о ней самой и ее друзьях. М.: АСТ: Астрель, 2010.

и деда, маркируется положительно и помещается в верх вертикали, соответственно традиции. Божественную природу имеет и запах кипарисового дерева, исходящий от епископа Хрисанфа, напоминая о том, что из кипариса изготавливались нательные крестики. Этот запах маркируется нейтрально (вверху одорической вертикали запах кипариса оказывается в пьесе А. Н. Островского «Гроза»). У Горького же сложное отношение автобиографического героя к запахам сакрального характера, по-видимому, отражает не менее сложные отношения юного Алеши Пешкова с Богом, отмеченные биографами Горького¹².

Нейтральные запахи, находящиеся в середине одорической вертикали, представлены запахом листового табака и персидской ромашки, куриного помета, крепким запахом лесных грибов, кислым запахом болота, спиртным запахом горячего хлеба, запахом сигары. Положительно маркированы у Горького разнообразные природные запахи: смолы, цветущих яблонь, острый запах созревших яблок, молодых трав, свежей зелени берез. Отрицательно маркированы в восприятии автобиографического героя запахи болезни, смерти и разложения, нечистого тела, гнилых зубов, запах пыли и грязи, запах водки, запах крови — все те запахи, которые свидетельствуют прежде всего о телесной и нравственной нечистоте. Некоторые запахи маркированы социально: это запахи, связанные с профессиями плотника, иконописца, кочегара и др.

Ассоциативный принцип положен в горьковском тексте в основу вербализации запаха, который характеризуется, как здоровый и приятный, тонкий, крепкий, горький, острый, кисловатый, кислый, с одной стороны, и густой, спиртной, жирный, горячий, скверный, едкий, тяжелый, одуряющий, тошнотворный — с другой. В основу ассоциаций положена интенсивность (тонкий, крепкий), соединение обоняния и вкуса (горький, острый, кислый, кисловатый, жирный), мышечные ощущения (тяжелый), эмоциональность (скверный, приятный, тяжелый) и т. п.

Частотность «одорических включений» в трех повестях автобиографической трилогии имеет существенные различия. Смысловая емкость подобных мотивов значительно выше в двух первых повестях трилогии. Ольфакторное пространство является важным элементом картины мира повести Горького «Детство», об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что во многих других классических произведениях о детстве «обонятельные» мотивы встречаются гораздо реже. Очень скупо представлено ольфакторное пространство в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмы». В повести Л. Н. Толстого «Детство»

¹² Басинский П. В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 31–38.

ольфакторные мотивы встречаются примерно пять раз: фигурируют, с одной стороны, запахи, ассоциирующиеся с деревней (запах свежего сена, «запах полыни, соломы и лошадиного пота»¹³ и запах сала, которым смазывали волосы дворовые), а с другой стороны — запахи, связанные с болезнью и смертью матери. Похороны матери в повестях и Л. Н. Толстого, и М. Горького являются рубежом между детством и отрочеством¹⁴, и ольфакторные ощущения неразрывно связываются в памяти героев с этим трагическим моментом. В повести А. Н. Толстого «Детство Никиты», напротив, ольфакторные мотивы встречаются достаточно часто: мир запахов органично встроено в идиллию усадебного и детского мира: это природные, домашние и «праздничные» — рождественские (хвои, воска, мандаринов, медовых пряников) и предпасхальные («запахло ванилью и кардамоном»)¹⁵ — запахи. По-видимому, толстовский Никита, как и горьковский Алеша Пешков, обладает повышенной чувствительностью к запахам (в момент обморока Никите почему-то чудится запах жареного лука).

В повести «В людях» автобиографический герой жадно в и познает мир, его органы чувств открыты для новых впечатлений, в т. ч. и одорических. В повести «Мои университеты» ольфакторных мотивов значительно меньше, чем в двух первых повестях, это может объясняться тем, что крайне тяжелый быт героя несколько притупляет остроту восприятия мира.

Таким образом, ольфакторные включения в автобиографической трилогии Горького, выполняют важную функцию создания многогранного образа повседневности. В описании жизни и быта нижегородской провинции на первый план выступает модус скуки, маркированный одорически. Чувствительность или нечувствительность к запахам служит дополнительным штрихом к созданию образа того или иного героя. Телесный запах человека во многом определяет приятие или

---

¹³ Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная лит-ра, 1978. С. 32.

¹⁴ Со смертью близкого человека детство героя в повестях о детстве. В повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» детство и отрочество разграничивает смерть отца. В повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», написанной, кстати, по сюжетной канве горьковского, детство заканчивается со смертью бабушки. На наш взгляд, подобная сюжетная развязка в произведениях о детстве, знаменует сближение логики литературного повествования с обыденным сознанием. Герой ощущает горечь утраты и с этим чувством переходит возрастной рубеж. Повесть Горького «Детство» начинается со смерти отца и брата, но автобиографический герой, в силу возраста, еще не в состоянии это осознать.

¹⁵ Толстой А. Н. Детство Никиты // Толстой А. Н. Избранные сочинения: в 6 т. М.: Сов. писатель, 1950. С. 682.

неприятие его юным автобиографическим героем, который знакомится со множеством людей и должен их оценивать, пусть первоначально и на уровне инстинкта. В ряде случаев ольфакторный мотив становится центральным элементом тропа: метафоры (развернутая метафора провинциальной скуки и метафора девичества в образной речи бабушки: «не следует трогать цветы, пока они не распустились, а не то не быть от них ни запаху, ни ягод»; XIII, с. 231) и антитезы (противопоставление запахов пробуждающейся природы и тягостных обязанностей в доме чертежника; противопоставление мещанских и «немещанских» запахов на улицах Нижнего Новгорода). Ольфакторные мотивы в автобиографической трилогии Горького выполняют также функцию маркеров автобиографической памяти и функцию указателей пространства. В автобиографической трилогии представлены и традиционные ольфакторные оппозиции: «вонь — благовоние» и «природа — цивилизация». По мере взросления горьковского героя его повышенная чувствительность к запахам несколько «притупляется», но не исчезает, что очевидно в третьей повести трилогии — «Мои университеты».

